

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Баринов А.А. Проблема и перспектива мирного транзита власти в Демократической Республике Конго // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76638 EDN: ECWVPR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76638

Проблема и перспектива мирного транзита власти в Демократической Республике Конго

Баринов Александр Александрович

магистр; факультет востоковедения и африканистики; Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Тверской р-н, Мусская пл., д. 6 стр. 6

✉ alexbarinov17@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутриполитические конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76638

EDN:

ECWVPR

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Дата публикации:

29-11-2025

Аннотация: Актуальность выбранной темы исследования обусловлена существующей проблемой мирного транзита власти в Демократической Республике Конго (ДРК), которая негативно отражается на общественно-политическом развитии страны. Объект исследования – мирный транзит власти в ДРК. Предметом исследования выступают особенности, присущие процессу мирной передачи власти в ДРК на современном этапе. Цель исследования заключается в обнаружении факторов, влияющих на реализацию мирного транзита власти в ДРК. Особое внимание уделяется решению таких задач, как обозначение факторов, способствовавших успешному процессу первой мирной передачи власти в ДРК, представление коалиции FCC-CACH как проявление неоконченного транзита власти, определение роли внешних сил в вопросе мирного транзита власти в ДРК, а также оценка перспективы сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г. В

качестве методов исследования были использованы историко-сравнительный для сопоставления имевшихся условий реализации мирного транзита власти в ДРК в период с 1990 г. по 2021 г., инвент-анализ для детального изучения действий политических акторов, способствовавших или препятствовавших исследуемому процессу, а также контент-анализ для детального рассмотрения конголезских законодательных текстов. Научная новизна исследования состоит в выявлении конкретных особенностей, способствующих и тормозящих процесс мирного транзита власти в ДРК, на основе анализа внутриконголезского исторического опыта передачи власти и влияния международного сообщества на данный процесс, а также в прогнозировании возможного характера транзита власти в ДРК в будущем. Автор приходит к выводам, что в истории ДРК подлинный мирный транзит власти имел место лишь в 2019 г., однако он носил неполноценный характер. Одними из основных проблем, препятствующих осуществлению мирной передачи власти в ДРК, являются, во-первых, отсутствие у конголезских властей стремления способствовать передаче своих властных обязанностей, во-вторых, разрозненность конголезской оппозиции, в-третьих, наличие крупных конфликтов на территории ДРК. Значимую роль в исследуемом вопросе играет и международное сообщество. Возможность осуществления мирного транзита власти после 2028 г. представляется реалистичной только в том случае, если международное сообщество выступит против конституционной реформы Ф. Чисекеди.

Ключевые слова:

Демократическая Республика Конго, Мирный транзит власти, Транзит власти, Оппозиция, Конфликты, Безопасность, Международное сообщество, Мобуту, Жозеф Кабила, Феликс Чисекеди

Введение

Вопрос передачи власти традиционно является одним из наиболее проблематичных и спорных для африканских государств. Он нередко сопряжен с насилием, массовыми беспорядками и иными сопутствующими негативными явлениями, способными поставить страну на грань гражданской войны. Для Демократической Республики Конго (далее – ДРК) эта проблема также представляется одной из основных в общественно-политической сфере. Помимо непрекращающегося военного конфликта на востоке страны, ДРК нередко потрясают столкновения, связанные с борьбой за власть, отражающиеся, в свою очередь, на общей стабильности ДРК, что особенно чувствительно для «хрупкого» государства, как некоторые исследователи классифицируют ДРК^[1]. Тем не менее ДРК уже обладает опытом относительно мирной смены власти, имевшей место в 2019 г., однако важно отметить, что в 2028 г. действующий президент Ф. Чисекеди должен будет окончательно покинуть пост президента, согласно конституции страны, и уступить место новому лидеру, что вновь поставит проблему мирного транзита власти в русло конголезской политики. Всем этим можно обусловить актуальность выбранной темы.

Объектом исследования выступает процесс мирного транзита власти в Демократической Республике Конго. Предметом исследования служат особенности, присущие процессу мирной передачи власти в ДРК на современном этапе.

Цель исследования заключается в обнаружении факторов, влияющих на реализацию мирного транзита власти в ДРК.

Автором настоящего исследования были поставлены следующие задачи:

1. Изучить историю вопроса передачи власти в ДРК;
2. Обозначить факторы, способствовавшие успешному процессу первой мирной передачи власти в ДРК;
3. Представить коалицию FCC-CACH как проявление мирного, но неоконченного транзита власти;
4. Определить степень влияния международного сообщества на мирный транзит власти в ДРК
5. Оценить перспективы сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г.

Теоретической основой настоящего исследования выступают классическая теория элит для выявления внутренних факторов мирной передачи власти в ДРК и неореализм – для внешних. Классическая теория элит, сформированная главным образом в научных трудах итальянских социологов Г. Моски («Правящий класс») и В. Парето («Компендиум по общей социологии»), позволяет рассмотреть политическую элиту ДРК в качестве основного центра власти, препятствующего развитию процесса мирного транзита власти. Так, Г. Моска отмечал, что в любом обществе имеет место немногочисленный по своему составу «правлящий класс», который имеет реальную институциональную власть и стремится к сохранению своих лидирующих позиций, одновременно создавая условия, затрудняющие смену этой элиты, что порождает конфликт с контрэлитами. В свою очередь, В. Парето разработал понятие «циркуляции элит», согласно которому для сохранения своей власти политические элиты должны периодически обновляться и пополняться новыми представителями, поскольку в противном случае велик риск смены элиты может приобрести революционный характер. Кроме того, теория неореализма, представленная К. Уолтцем, может быть применена для объяснения заинтересованности ряда зарубежных государств во внутривнутриполитические процессы в ДРК. В частности, вмешательство иностранных акторов в дела иных государств (например, в электоральный процесс) можно рассмотреть в качестве поддержания благоприятного для себя баланса сил в регионе в условиях анархии. ДРК же, являясь государством с малым политическим весом, вынуждена подчиняться воле великих держав, действуя в рамках структурных ограничений международной системы.

Для решения поставленных задач автором были задействованы следующие методы: историко-сравнительный метод для сопоставления имевшихся условий реализации мирного транзита власти в ДРК в период с 1990 г. по 2021 г., инвент-анализ для детального изучения конкретных действий политических акторов, способствовавших или препятствовавших мирной передаче власти, а также контент-анализ для детального рассмотрения конголезских законодательных текстов. Методологическая основа исследования опирается на системный подход, который позволяет рассматривать мирный транзит власти в ДРК в качестве определённой системы, функционирующей при наличии соответствующих условий.

Научная новизна исследования состоит в выявлении конкретных особенностей, способствующих и тормозящих процесс мирного транзита власти в ДРК, на основе анализа внутриконголезского исторического опыта передачи власти и влияния международного сообщества на данный процесс, а также в прогнозировании возможного характера транзита власти в ДРК в будущем.

Эволюция проблемы мирного транзита власти в ДРК

С первых дней своего постколониального существования Конго-Леопольдвиль было погружено в перманентную политическую нестабильность. Молодая страна сталкивалась с рядом проблем: сепаратизм регионов Катанга и Южное Касаи, интервенция западных военных сил, отсутствие устойчивых государственных политических институтов и, конечно, внутривластная борьба за власть. Особенно ожесточенное противостояние велось между президентом Ж. Касавубу, премьер-министром П. Лумумбой и начальником штаба конголезской армии полковником Ж. Д. Мобуту [\[2, с. 57\]](#).

Первая подлинная смена режима в Конго произошла в 1965 г. и имела насильственный характер. В ходе военного переворота, организованного уже упоминавшимся ранее Ж. Д. Мобуту, Ж. Касавубу был смещен со своего поста, а должность президента страны оставалась за Мобуту вплоть до 1997 г.

Период правления Мобуту до 1990-х гг. носил диктаторский характер и не предполагал какой-либо передачи власти. Будучи представителем военного крыла Конго, Мобуту имел собственные взгляды касательно стабилизации военно-политического положения в стране, которого можно было добиться, согласно его мнению, путём увеличения власти центра и самого президента с одновременным ограничением деятельности оппозиции. Конголезская конституция 1965 г. закрепляла существование в стране двухпартийной системы и упраздняла должность премьер-министра, которая в первые годы независимости Конго являлась одним из наиболее важных политических постов, способных выступить против действующего власти президента (наглядный пример – конфликт президента Касавубу и премьер-министра Лумумбы). Позднее поправки к конституции от 1974 г. заменили двухпартийную систему на однопартийную, провозгласили доктрину мобутизма и снимали ограничения на количество президентских сроков (Congo Zaïre. Constitution du 15 août 1974. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1974.htm>).

Впрочем, уже в первой половине 1990-х гг. на фоне формирования нового мирового порядка конголезская политическая конъюнктура пережила глобальные изменения, которые стоит рассмотреть поподробнее ввиду их значимости для выбранной темы.

Одним из наиболее видных показателей имевших место перемен можно назвать появление абсолютно нового органа на конголезской политической арене – Национальной суверенной конференции (НСК), ставшей первой легальной оппозиционной площадкой в Заире, в рамках которой различные партии, общественно-политические организации и религиозные структуры могли позволить себе не только открытую критику Мобуту, но и обсуждать инициативы, способствующие мирному транзиту власти [\[8, с. 9\]](#). Главным образом НСК была нацелена на обсуждение всех вопросов, представлявших национальный интерес, разработку проекта новой конституции для его вынесения на всенародный референдум, определение содержания избирательного закона и составление графика выборов (Congo Zaïre. Acte constitutif n° 91-097 du 11 avril 1991 portant création et composition de la Conférence nationale. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1991.htm>). С юридической точки зрения этот орган не находился в прямом подчинении президента Мобуту, а наличие в его рядах видных оппозиционных деятелей (например, Э. Чисекеди – одного из главных критиков Мобуту) затрудняло установление непрямого контроля над ним.

Примечательно, что Мобуту на протяжении нескольких месяцев препятствовал началу работы конференции, стремясь сохранить за ней в первую очередь статус

конституционной, а не общенациональной, несмотря на наличие соответствующего закона от апреля 1991 г. В дальнейшем Мобуту продолжал неоднократно срывать работу НСК, которую он не считал суверенной и никогда не посещал ^[7, с. 402], видя в ней угрозу своего существования. Всего таких случаев можно насчитать около трёх: сентябрь 1991 г., январь 1992 г. и июль 1992 г. Зачастую за приостановкой деятельности НСК следовали мирные выступления граждан Заира, протестовавших против подобных действий властей. Впрочем, ответом режима на акции граждан становилось насилие в отношении протестующих, которое учинялось заирской армией.

Важно отметить, что имевшие место договорённости (например, «Глобальный политический компромисс» от июля 1992 г.), где власти и оппозиция формально улаживались о распределении обязанностей управлением государством и о сроке переходного периода (Congo Zaïre. Acte constitutif du compromis politique global de la transition (30 juillet 1992). URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1991.htm#3>), не способствовали полноценному реформированию социально-политической системы страны. Действительно, в августе 1992 г. НСК провела выборы премьер-министра в переходное правительство, уверенную победу на которых одержал Э. Чисекеди, однако Мобуту фактически выступил против правительства Чисекеди и созвал уже распущенный Законодательный совет, в котором заседали его сторонники, а в декабре того же года и вовсе отправил в отставку оппозиционное правительство после отказа Э. Чисекеди присягнуть президенту как гаранту нации (Винокуров Ю. Н. Политическая борьба в Демократической Республике Конго (1965-2001 гг.). Дис. д-ра ист. наук, с. 192-193).

Процесс транзита власти привёл Заир к фактическому установлению двоевластия, что проявлялось как в существовании двух парламентов (оппозиционный «Высший совет республики», который стал продолжением завершённой в декабре 1992 г. НСК, и мобутовская «Национальная ассамблея»), так и двух проектов конституции (НСК представила свой текст ещё в августе 1992 г., а пропрезидентская Национальная ассамблея – в апреле 1993 г.). Мобуту был по-прежнему заинтересован в сохранении своей власти, для чего он прибег к использованию армии в качестве элемента устрашения оппозиции и недовольных властью и контроля над важными экономическими органами – центральным банком и налоговой службой ^[8, с. 10].

Покончить с установившимся двоевластием сторонам удалось лишь в 1994 г., когда через некоторое время после переговоров между сторонниками Мобуту и оппозицией был создан объединённый однопалатный парламент – «Высший совет Республики-Переходный парламент» (ВСР-ПП), что было указано в очередном конституционном акте от апреля 1994 г., который несколько ограничивал полномочия президента: например, он не мог назначить премьер-министра не из ряда оппозиции (Congo Zaïre. Acte constitutionnel de la transition. (9 avril 1994). URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1994.htm>). Позднее, в июне 1994 г., власти опубликовали текст «особого соглашения» с оппозицией, где описывался принцип разделения власти между двумя «политическими семьями» – упоминавшимся пропрезидентским «конклавом» и оппозицией, а в следующем месяце пост премьер-министра занял бывший мобутовский соратник Л. Кенго Ва Дондо, хотя его фигура впоследствии вызывала немало споров внутри оппозиции (Le blocage du processus de transition. Human Rights Watch. 1997. URL: <https://www.hrw.org/legacy/french/reports/zaire/3.htm>).

Интересно, что за весь период «транзита» власти в Заире также поднимался вопрос о необходимости проведения президентских выборов, поскольку мандат Мобуту истекал ещё в конце 1991 г., однако выборы, переносимые несколько раз, так и не состоялись

как из-за нехватки финансирования, так и за последовавшей насильственной сменой власти в 1997 г. В то же время оппозиция, хотя и периодически позволяла себе крайне резкие высказывания в адрес Мобуту, тем не менее не ставила одним из условий отстранение Мобуту от власти в переходный период и даже допускала возможность его баллотирования на новый срок. Мобуту, несмотря на его непопулярность среди заирцев, не был исключён из процесса переходного периода, что также является одной из особых черт рассматриваемого политического процесса в начале 1990-х гг. Подобное отношение оппозиции к положению заирского президента можно объяснить главным образом сохранявшимся у Мобуту контролем над армией, которая, несмотря на низкие жалования, по-прежнему не выступала против самого Мобуту, а также отсутствием единства в рядах заирской оппозиции, для некоторых представителей которой Мобуту мог выступить в качестве ситуативного партнёра в вопросе усиления собственных позиций.

Таким образом, первая попытка мирного транзита власти в Заире оказалась скорее неудачной, поскольку не достигла своих основных целей, а сама власть в стране сменилась в ходе вооружённого конфликта 1996-1997 гг., в результате которого к власти пришёл Л. Д. Кабила, переименовавший Заир в ДР Конго. Тем не менее нельзя отрицать значимость этого процесса для конголезской политической культуры, заложившего основу для будущего взаимодействия между властями и оппозицией ДРК.

Опыт первого успешного мирного транзита власти в ДРК

В январе 2019 г. к власти в ДРК пришёл нынешний президент Ф. Чисекеди, сын оппозиционера Э. Чисекеди, набрав 38% голосов избирателей на президентских выборах. Несмотря на имевшие место споры касательно легитимности и прозрачности данных выборов и несогласие оппозиции с их итогами, передача власти от Ж. Кабилы к Ф. Чисекеди прошла относительно мирно и без перестройки государственного аппарата страны с последующим образованием новой республики, что стало первым подобным случаем в истории ДРК^[9, с. 41]. Тем не менее, этому знаменательному событию предшествовал сложный период политической борьбы и диалога между властями и оппозицией.

Стоит упомянуть, что Ж. Кабила, сын Л. Д. Кабилы, одержал победу на выборах как в 2006 г., так и в 2011 г., имея право, согласно конституции, занимать свою должность до конца 2016 г. без последующего переизбрания. Впрочем, уже в 2014 г. пропрезидентский лагерь намеревался изменить конголезскую конституцию с целью продления полномочий Кабилы (RDC: l'article 220 de la constitution peut être révisé par voie référendaire, selon Richard Muyej. Radio Okapi. 19.07.2014. URL: <https://www.radiookapi.net/actualite/2014/07/19/rdc-l'article-220-de-la-constitution-peut-etre-reviser-par-voie-referendaire-selon-richard-muyej>), а также предпринимал попытки отсрочить проведение выборов в 2016 г. на неопределённый срок, что неоднократно приводило к многочисленным акциям протеста против действий властей, в результате которых погибло несколько десятков демонстрантов.

Напряжённая внутривнутриполитическая обстановка в ДРК совместно со снижавшейся поддержкой режима Кабилы со стороны западных государств вынудили конголезские власти пойти на диалог с оппозицией, который прошёл в два этапа: изначально часть оппозиции под главенством Э. Чисекеди отвергла возможность проведения переговоров с Кабиллой, проигнорировав встречу при посредничестве Африканского союза между властями и другой частью оппозиции в октябре 2016 г., однако в декабре всё же присоединилась к диалогу. Результатом всеобъемлющих переговоров стало подписание

31 декабря 2016 г. компромиссного «Соглашения Сан-Сильвестр» под медиацией католической Национальной епископальной конференции Конго (CENCO). Согласно тексту соглашения, общенациональные выборы должны были состояться не позднее декабря 2017 г., а до этого момента Кабила продолжал исполнять обязанности президента без возможности баллотирования на третий срок, но в то же время оппозиция должна была представить собственного единого кандидата на должность премьер-министра (Accord politique global et inclusif du centre interdiocesain de Kinshasa. URL: <https://cenco.cd/wp-content/uploads/2017/04/ACCORD-POLITIQUE-GLOBAL-ET-INCLUSIF-31-Dec-2016-VERSION-ELECT.pdf>).

Сохранявшееся нежелание Кабилы покидать свой пост, а также усилившийся раскол внутри оппозиции, произошедший после смерти Э. Чисекеди 1 февраля 2017 г., вылились в затяжной процесс переговоров между сторонами, что, в свою очередь, вынудило CENCO снять с себя посреднические полномочия из-за возможных репутационных потерь (Electoral Poker in DR Congo. International Crisis Group. 04.04.2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/259-electoral-poker-dr-congo>).

Кроме того, крайне остро стоял вопрос о назначении премьер-министра. Конголезские СМИ предполагали, что возглавить правительство может Ф. Чисекеди (Félix Tshisekedi Premier ministre à la place de Samy Badibanga? Beto. 23.12.2016. URL: <https://beto.cd/actualite/la-rdc-a-la-une/2016/12/23/felix-tshisekedi-premier-ministre-a-place-de-samy-badibanga.html/9889/>), однако из-за существовавших противоречий оппозиция не могла представить единого кандидата, чем успешно воспользовался Кабила, самостоятельно назначив на должность премьер-министра Б. Чибалу, бывшего соратника Э. Чисекеди. Этим действием Кабила нарушил одно из положений соглашения Сан-Сильвестр и усилил раскол в рядах оппозиции.

На фоне растущего давления на Киншасу из вне и продолжавшихся антикабиловских протестов, систематически подавляемых властями, Кабила едва ли мог рассчитывать на международное признание в случае сохранения власти в своих руках. За несколько часов до закрытия регистрации кандидатов на выборы президента страны правящая партия представила кандидатуру Эммануэля Рамазани Шадари – близкого соратника Кабилы.

Показательно, что конголезской оппозиции не удалось выступить единым фронтом против кандидатуры Шадари, однако это не помешало Ф. Чисекеди одержать победу на президентских выборах. Впрочем, несмотря на относительно мирный переход власти в руки новых политических сил, прозрачность выборов вызвала сомнения как внутри ДРК, так и за её пределами, а их итог стал «парадоксальным» из-за неожиданного поражения другого оппозиционера – М. Файюлу [\[13, с. 39\]](#).

Тем не менее, сам факт смены власти в ДРК в этот период значительно отличил конголезское государства от большинства его соседей по региону. Например, в таких странах, как Руанда, Уганда, Бурунди, Республика Конго лидеры занимали свою должность на протяжении нескольких десятилетий, а деятельность оппозиции в этих странах весьма ограничена. В других странах региона, как, например, в Анголе или Танзании, имел место транзит власти внутри правящей партии, однако оппозиционные силы так и не были допущены до управления страной. Пожалуй, одним из немногих успешных примеров транзита власти от одной политической силы к другой можно назвать Кению, где основное столкновение между субъектами происходит непосредственно в рамках юридических норм и не доходит до прямого вооруженного противостояния или

попыток неконституционного продления полномочий уходящей администрацией [3, с. 3-4]. Кроме того, с 2008 по 2013 гг. в Кении существовало правительство национального единства, которое стало результатом договора между рядом политических партий по вопросу прекращения политического кризиса в стране, случившегося после выборов 2007 г. В истории ДРК подобных претендентов не было.

Коалиция FCC-CACH как проявление неполноценного транзита власти

Приход оппозиции к власти в ДРК в 2019 г. не повлёк за собой немедленного исчезновения Ж. Кабила и лояльных ему сил с конголезской политической арены. Вместо этого Кабила выбрал стратегию «контролируемого ухода», формально находясь в должности пожизненного сенатора, но продолжая оставаться видной политической фигурой. Давление на Кабилу со стороны внешних акторов и напряжённая ситуация внутри страны сводили шансы бывшего президента на возможное продление своих полномочий к нулю и вынудили его заранее готовить основу своего политического присутствия в высших эшелонах конголезской власти.

В сложившихся условиях Кабила был заинтересован в сохранении контроля над законодательной властью – в первую очередь над Национальной ассамблеей (нижняя палата парламента ДРК, состоящая из 500 депутатов), для чего была произведена реорганизация круга его политических сторонников. Ещё в январе 2018 г. в правящей тогда партии Кабила «Народная партия за реконструкцию и развитие» (PPRD) произошли значимые изменения, в результате которых за Кабилой было закреплено право самостоятельного назначения вице-президента PPRD (Electoral Poker in DR Congo. International Crisis Group. 04.04.2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/259-electoral-poker-dr-congo>). Помимо этого, на место пропрезидентской коалиции «Президентское большинство» (MP), которое также незадолго до выборов пополнилось новыми членами, пришёл «Общий фронт за Конго» (FCC). FCC представлялся куда более широким объединением, чем MP, поскольку к FCC присоединился ряд политических сил, с которыми Кабила вёл переговоры ещё с начала 2016 г. [14, с. 127]. Таким образом, к моменту проведения выборов в парламент Кабила подошёл с обновлённой и усиленной политической платформой.

Существовавший раскол внутри оппозиции, выдвинувшей двоих кандидатов на пост президента (М. Файюлу и Ф. Чисекеди), также стал заметным преимуществом для Кабила, которым он успешно воспользовался. Так, между коалициями Кабила (FCC) и Чисекеди («На пути к переменам» – CACH), который, согласно опросам, должен был уступить первое место Файюлу, было заключено тайное соглашение о создании коалиционного правительства [15, с. 377-378] с целью осуществления мирного перехода власти, как позже утверждал Чисекеди («Il y a eu un deal avec Kabila pour que l'alternance se passe pacifiquement»: Félix Tshisekedi. Beto. 27.02.2019. URL: <https://beto.cd/actualite/la-rdc-a-la-une/2019/02/27/il-y-a-eu-un-deal-avec-kabila-pour-que-lalternance-se-passe-pacifiquement-felix-tshisekedi.html/35091/>). Тем не менее, ряд как конголезских, так и зарубежных СМИ совместно с экспертами полагали, что в действительности этот договор, предположительно носивший название «Соглашение о стабильности и мире в Конго», был направлен на документальное закрепление определённых уступок в адрес FCC со стороны лагеря Чисекеди [6, с. 60]. Например, клану Кабила предоставлялся полный иммунитет, стороны договаривались о проведении консультаций по вопросам внесения изменений в государственные и силовые структуры, а на выборах 2023 г. лагерь Чисекеди обязывался поддержать кандидата на пост президента от FCC (Exclusif: En 7 points, ce que l'on sait du «deal», l'accord Tshisekedi-

Kabila. 7sur7. 30.10.2020. URL: <https://7sur7.cd/2020/10/30/exclusif-en-7-points-ce-que-lon-sait-du-deal-laccord-tshisekedi-kabila>).

Соглашение между Кабилой и Чисекеди являлось выгодным для обеих сторон: Чисекеди получал поддержку многочисленных прокабиловских сил, а Кабила, в свою очередь, продолжал оставаться значимой политической фигурой даже на фоне проигрыша его ставленника Э. Шадари. В итоге Чисекеди одержал «неожиданную» победу на президентских выборах, а кабиловская коалиция FCC получила 341 место из 500 в Национальной ассамблее и 98 мест из 109 в Сенате ДРК, а также победила в 22 из 26 провинций [\[16, с. 17\]](#).

Переговоры между FCC и CACH продвигались непросто, однако на ряд важных должностей тем не менее были назначены сторонники Кабилы. Так, с мая по июль 2019 г. места премьер-министра, спикера Национальной ассамблеи и спикера Сената заняли именно члены кабиловской FCC. Полноценно же новое коалиционное правительство, состоявшее из 65 членов (42 члена из FCC, 23 – из CACH), начало функционировать лишь в сентябре 2019 г. Кроме того, ряд важных министерских постов, среди которых пост министра обороны, финансов и горнодобывающей промышленности, также достались представителям FCC и кабиловской PPRD в частности.

Тем не менее, несмотря на относительно мирную передачу власти новому президенту и формирование коалиции, которой удалось создать правительство, подобный транзит едва ли возможно назвать полноценным: ключевые посты в государстве и законодательные органы по-прежнему оставались за прокабиловскими силами, что неминуемо сказывалось на способности новой администрации проводить свою политику в полной мере. Это осознавал и Ф. Чисекеди, заявивший в январе 2020 г. в Лондоне, что он имеет право распустить Национальную ассамблею в случае создания ею препятствий в реализации президентской политики (DRC: Félix Tshisekedi pushes back against Joseph Kabila. The Africa Report. 04.02.2020. URL: <https://www.theafricareport.com/22930/drc-felix-tshisekedi-pushes-back-against-joseph-kabila/>). Примерно с этого периода представители двух лагерей начали вести активную борьбу между собой, которая завершилась распадом коалиции FCC-CACH в декабре 2020 г., утратой FCC своих позиций, созданием платформы «Священный союз нации» (USN) под главенством президентской партии, формированием нового правительства в апреле 2021 г. и завершением периода половинчатого перехода власти к администрации Чисекеди.

Важно отметить, что для устранения политических конкурентов в лице Кабилы и его сторонников, Чисекеди прибег к использованию методов, прямо нарушающих конституцию ДРК. Например, в июле 2020 г. он единовременно назначил трёх новых судей в Конституционный суд, в то время как он не имел юридического права как-либо видоизменять состав этого суда до мая 2021 г. и назначать более одного судьи [\[17, с. 94\]](#). Кроме того, уже после официального упразднения коалиции с FCC, Чисекеди назначил «переговорщика» внутри Национальной ассамблеи с целью поиска партнёров для образования новой парламентской платформы – USN, что также противоречило конституции, поскольку «переговорщик» должен назначаться непосредственно после выборов. Впрочем, сам USN был оформлен также довольно сомнительным образом: депутатам парламента запрещено переходить из одной коалиции в другую, однако USN была создана не как политическая партия или платформа, а как «видение», к которому депутаты могли присоединиться, не теряя при этом свой мандат [\[17, с. 99\]](#). Примечательно, что Конституционный суд поддержал все спорные решения Чисекеди.

Фактор внешнего влияния на процесс мирного транзита власти в ДРК

Отдельно стоит обратить внимание на влияние иностранных государств на исследуемый процесс, которое представляется весьма существенным.

Вовлечение ряда стран в транзитный процесс ДРК (Заира) было заметно ещё в начале 1990-х гг. и во многом связано с изменившейся ролью Мобуту на международной арене. Так, Мобуту, являясь противником коммунистических идей и выступая в качестве буфера против распространения коммунистической идеологии в Африке [2, с. 57], более не был востребован в подобной роли, лишившись соответствующей военно-политической поддержки западных государств, которые стали настаивать на необходимости демократизации режима [4, с. 72]. На фоне же устраиваемых войсками Мобуту показательных расправ над несогласными с действующей политикой властей, как, например, «резня в Лубумбаши» в мае 1990 г., бывшие союзники Заира продолжали усиливать свою критику в адрес Киншасы [5, с. 160], что наряду с экономическими проблемами вынудило Мобуту приступить к демократизации своего режима.

Необходимо отметить, что немаловажную роль в первом мирном транзите власти в ДРК сыграл ряд западных государств, который стал усиливать своё давление на Киншасу в вопросе транзита власти не только на уровне заявлений, но и на уровне принятых документов. Так, в июне и сентябре 2016 г. США ввели санкции против некоторых высокопоставленных конголезских военных за подрыв демократических процессов в ДРК (Treasury Sanctions Two Individuals for Threatening the Stability of and Undermining Democratic Processes in The Democratic Republic of the Congo. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jl0560>), а в декабре аналогичные санкции ввёл Европейский союз (Council Regulation (EU) 2016/2230 of 12 December 2016. Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R2230>). Весьма вероятно, что именно начатая против ДРК санкционная политика вынудила Киншасу проявить большую сговорчивость и стать инициатором начала переговоров с частью оппозиции во главе с Э. Чисекеди в декабре 2016 г. (Time for Concerted Action in DR Congo. International Crisis Group. 04.12.2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/257-time-concerted-action-dr-congo>), сделав её участником упомянутого ранее соглашения.

Тем не менее, несмотря на определённые успехи Кабила в вопросе затягивания проведения выборов, рассмотренные выше, международное давление на Киншасу как со стороны западных государств (в 2017 г. США и ЕС вновь ввели санкции против некоторых конголезских военных,) так и соседей по региону (главным образом в лице Анголы и стран юга Африки) сделало задачу удержания власти Кабилой трудновыполнимой., поскольку в случае продления своих полномочий Кабила рисковал столкнуться с международной изоляцией. Против возможного третьего срока Кабила высказались Ангола, Ботсвана, чей тогдашний президент открыто призвал Кабилу оставить свой пост (Botswana's President Speaks His Mind About Fellow African Leaders, and Trump. Bloomberg. 02.03.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-01/trump-kabila-are-targets-of-diplomacy-eschewing-botswana>), Франция, Бельгия, США и др. Киншаса же рассматривала подобную позицию в качестве вмешательства во внутренние дела страны. Кроме того, такие организации, как Африканский союз, Сообщество развития юга Африки (САДК) также неоднократно проявляли заинтересованность в успешной организации выборов, предлагая для этого свои услуги, от которых Кабила предпочитал отказываться, ссылаясь на самостоятельность ДРК в решении этого вопроса.

На фоне растущего давления на Киншасу из вне и продолжавшихся антикабиловских протестов, систематически подавляемых властями, Кабила едва ли мог рассчитывать на международное признание в случае сохранения власти в своих руках.

Санкции, введённые против некоторых конголезских лиц со стороны США и Европейского союза, а также антикабиловская позиция ряда других африканских государств имели гораздо больший политический вес, чем контроль Кабилы над основными государственными институтами, которые могли бы гарантировать его переизбрание, но не международную легитимность

Помимо того, можно также предположить, что Кабила представлялся не самой удобной фигурой для США (российский африканист А.Ю. Урнов и вовсе утверждал, что США «враждебно относились к режиму Ж. Кабилы»^[11, с. 32]). ДРК при Кабиле активно развивала отношения с Китаем и в 2008 г. заключила соглашение с китайским консорциумом о предоставлении китайской стороне концессий на добычу конголезских полезных ископаемых в обмен на инфраструктурные инвестиции на несколько миллиардов долларов. Кроме того, Пекин также не высказывался против продления полномочий Кабилы, что в теории могло лишь усилить политическое и экономическое влияние КНР в ДРК в случае сохранения Кабиллой поста президента. Для администрации Д. Трампа представлялось более целесообразным выстраивать отношения с новыми конголезскими властями, не уличёнными в тесных контактах с КНР. В будущем Ф. Чисекеди действительно пересмотрел условия заключённого ранее крупного договора с китайской стороной, что было всецело поддержано американцами^[12, с. 680].

Кроме того, отношения между ДРК и Бельгией в последние два года президентства Ж. Кабилы также переживали значительный упадок из-за предпринимаемых Кабиллой внутривнутриполитических действий, что в конечном счёте привело к «визовому» конфликту, разрыву военных контактов между странами по инициативе ДРК и ограничению деятельности «Бельгийского агентства международного сотрудничества» («Enabel») на территории ДРК, что, очевидно, снижало влияние Бельгийского королевства в стране. Согласно Киншасе, именно Бельгия являлась одним из наиболее активных инициаторов введения европейских санкций против ряда высокопоставленных конголезских чиновников (Répondre à la crise belgo-congolaise dans l'intérêt de la société civile congolaise. CNCD. 30.01.2018. URL: <https://www.cncd.be/Repondre-a-la-crise-belgo?lang=fr>)

Для ряда же африканских стран переизбрание Ж. Кабилы могло вылиться в значительную региональную проблему (в первую очередь в миграционную) на фоне возможной дестабилизации военно-политической обстановки внутри конголезского государства. Помимо этого, поддерживать Кабилу более не представлялись выгодным с имиджевой точки зрения, что было особенно актуально для Анголы, президентом которой в 2015 г. стал Ж. Лоренсу, пришедший на смену многолетнему ангольскому лидеру Ж. Э. душ Сантушу. На фоне перемен, имевших место, в Анголе, поддержка Кабилы со стороны Лоренсу выглядела бы неоднозначно. В свою очередь, жёсткую риторику Ботсваны в отношении Кабилы можно объяснить её традиционной приверженности продвижению демократии в регионе^[10, с. 46].

Отдельно стоит также отметить позицию, которую занял ряд иностранных государств в отношении проводимых неконституционных действий Ф. Чисекеди против FCC. Примечательно, что в адрес конголезского президента не была высказана соответствующая критика. Можно предположить, что Чисекеди получил негласную

поддержку в деле устранения своего политического конкурента, по-прежнему сохранявшего значительный политический вес и стремившегося вернуться к власти в 2023 г., и в целом представлялся более желанным партнёром, чем Кабила, который уже успел испортить отношения с некоторыми иностранными государствами.

Перспектива сохранения власти Ф. Чисекеди после 2028 г.

Согласно действующей конституции ДРК, Ф. Чисекеди, победивший на выборах в 2018 и 2023 гг., более не имеет права баллотироваться на пост президента страны. Тем не менее, опыт с Ж. Кабилой показал, что прописанные в основном законе страны ограничения вовсе не гарантируют, что глава конголезского государства действительно будет готов оставить свой пост в назначенный срок и предать власть новоизбранной администрации. Критика в адрес нынешней конституции ДРК со стороны президента Чисекеди, который называет её «плохой» и «написанной иностранцами» (Президент ДРК анонсировал создание комиссии для разработки новой конституции. ТАСС. 24.10.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22209465>), также формирует у оппозиции серьёзные опасения касательно намерений Чисекеди пролонгировать свои полномочия.

Теоретически президент ДРК может продлить своё пребывание на занимаемом посту тремя способами: путём переноса проведения президентских выборов на неопределённый срок, внесения соответствующих изменений в действующую конституцию или принятия новой конституции страны. При этом стоит помнить, что для реализации подобных планов президент должен обладать безоговорочной поддержкой со стороны как конголезского парламента, так и Конституционного суда, которые могли бы придать действиям главы государства легитимный характер.

Вариант с переносом выборов на неопределённый срок представляется как наиболее спорный и ненадёжный процесс, что уже подтвердилось в случае с Ж. Кабилой, по итогу вынужденным покинуть свой пост. В свою очередь, пересмотр конституции также весьма проблематичен и осложнён юридическими ограничениями. Так, статья 220 Конституции ДРК гласит, что «количество и продолжительность полномочий Президента Республики... не могут быть предметом какого-либо конституционного пересмотра» (Constitution de la République Démocratique du Congo. Modifiée par la Loi n° 11/002 du 20 janvier 2011 portant révision de certains articles de la Constitution de la République Démocratique du Congo du 18 février 2006. URL: <https://www.leganet.cd/Legislation/JO/2011/JOS.05.02.2011.pdf>), а, согласно мнению конголезского исследователя М. Нгаламулуме Галанса, изменение содержания статьи 220 является юридически невозможным ^[18, с. 152]. Впрочем, в истории ДРК уже имеется опыт пересмотра конституции в 2011 г., в результате которого властям главным образом удалось изменить лишь число туров выбора президента ДРК, сократив его до одного, однако внести корректировки в статью 220, несмотря на предпринимавшиеся попытки, Кабале не удалось.

Наиболее вероятным представляется принятие новой конституции, которая может обнулить президентские сроки, что является весьма распространённой не только в Африке практикой. Чисекеди склоняется именно к подобному варианту. Например, в октябре 2024 г. он объявил о намерении создать комиссию экспертов по вопросу пересмотра конституции. Президент ДРК прямо не заявляет о желании изменить количество президентских сроков и их продолжительность, однако он не опровергает возможность их пересмотра по воле конголезцев (Congo President Tshisekedi draws criticism over constitutional reform plans. Reuters. 24.10.2024. URL:

<https://www.reuters.com/world/africa/congo-president-tshisekedi-draws-criticism-over-constitutional-reform-plans-2024-10-24/>). Главным образом он придерживается мнения, что в новой конституции должна быть закреплена практика назначения губернаторов центральными властями и более своевременного формирования правительства (Изменить нельзя оставить: о возможном пересмотре Конституции ДРК. РСМД. 26.12.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/izmenit-nelzya-ostavit-o-vozmozhnom-peresmotre-konstitutsii-drk/>).

Тем не менее, процесс принятия новой конституции связан со множеством противоречивых факторов, которые могут способствовать торможению его реализации. Во-первых, оппозиция уже высказалась против принятия новой конституции и намеревалась организовывать митинги против инициативы президента. Католическая церковь, в свою очередь, пока что сохраняет молчание, однако маловероятно, что она поддержит Чисекеди в случае его стремления сохранить власть (стоит вспомнить, что СЕНСО уже ставила под сомнение честность проведённых выборов в 2018 и 2021 гг.). Крупномасштабные акции протеста оппозиции и церкви, уже имевшие место в конголезской истории, станут серьёзным вызовом для властей и в совокупности с возможными жертвами среди протестующих могут негативно отразиться на легитимности Чисекеди как внутри ДРК, так и за её пределами, а также привести к масштабному политическому кризису в стране.

Во-вторых, немаловажную роль играет позиция международного сообщества, что уже подтвердил опыт с Ж. Кабиллой в 2016-2018 гг. На данный момент иностранные лидеры не комментируют слова Чисекеди, однако нельзя исключать возможности ужесточения их риторики в отношении Киншасы по мере реализации планов конголезского президента.

В-третьих, конфликт на востоке ДРК, получивший более крупное измерение в январе 2025 г., затрудняет осуществление потенциальных конституционных реформ из-за необходимости проведения более активной внешней политики (Вашингтонский и Дохийский процессы) и поиска соответствующего компромисса между различными конголезскими политическими силами внутри страны для урегулирования конфликта. Кроме того, массовые акции протеста против новой конституции на фоне продолжающейся войны в Северном и Южном Киву могут стать причиной значимого ослабления боеспособности конголезской армии, что способно привести к утрате Киншасой контроля над ещё большими территориями государства.

Таким образом, возможность сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г. в нынешних условиях представляется достаточно спорной из-за действующих юридических ограничений и даже опасной в условиях активной фазы войны на востоке ДРК и нестабильности в других её частях. Тем не менее, можно предположить, что в период проведения конституционной реформы Чисекеди будет намерен добиться если не безусловной поддержки, то как минимум отсутствия осуждения подобных действий со стороны международного сообщества, от реакции которого во многом и будет зависеть успех инициативы президента.

Заключение

Проведённый в рамках данной работы анализ позволяет сделать вывод, что мирный транзит власти в ДРК является весьма проблематичным процессом, а его успешная реализация зависит от множества как внутренних, так и внешних факторов. За всю историю с момента обретения независимости в ДРК преобладала насильственная смена власти, а мирная имела место лишь единожды – в 2019 г. Тем не менее, стоит отметить,

что определённые попытки добиться мирной смены власти предпринимались конголезской оппозицией и гражданскими организациями ещё в первой половине 1990-х гг., однако должного успеха они не имели, хотя и значительно отразились на политическом развитии ДРК в XXI в., создав условия, при которых оппозиция может вести открытый диалог с властями.

Среди основных проблем, препятствующих осуществлению мирного транзита власти в ДРК можно выделить следующие:

Во-первых, у конголезских властей отсутствует стремление способствовать передаче властных обязанностей оппозиционным лицам, не включённым в их сферу влияния. В период деятельности НСК Мобуту всячески саботировал её полноценное функционирование, а пример с Ж. Кабиллой показал, что даже конституционные ограничения президентских сроков не являются гарантом своевременного оставления президентом занимаемого им поста.

Во-вторых, конголезская оппозиция зачастую представляется весьма разрозненной, что нередко сказывается на её способности не только противостоять действующим властям единым фронтом, но и осуществить полноценный мирный транзит власти. Конфликты между лидерами оппозиционных партий и их личные амбиции могут перерасти в ситуативные союзы между частью оппозиции и уходящими властями, против которых выступала оппозиция. Впрочем, сам факт наличия неподконтрольной властям оппозиции создаёт условия благоприятные условия для формирования дискурса о мирном транзите власти.

В-третьих, крупные конфликты на территории ДРК также сильно ограничивают возможность мирной передачи власти, что особенно хорошо продемонстрировали события 1997 г. Нынешний конфликт на востоке ДРК в случае его географического разрастания рискует создать неблагоприятные условия для осуществления мирной передачи власти.

В свою очередь, ключевую роль в вопросе успешного мирного транзита власти влияет и международное сообщество, которое определяет легитимность властей ДРК. На протяжении нескольких десятилетий Мобуту представлялся в качестве необходимого партнёра для США и ряда европейских государств в период холодной войны, поэтому критика его режима была весьма ограничена, однако уже в 1990-х гг. эти страны, равно как и различные международные правовые организации, начали призывать Мобуту к демократизации режима. Ещё более показательным является период с 2016 по 2018 гг., когда Ж. Кабила также подвергался международной критике. Несмотря на наличие у Кабилы многолетний контроль за всеми основными государственными институтами, в случае своего переизбрания он рисковал не только попасть под более масштабные санкции, но и оказаться в политической изоляции, что вынудило его оставить свой пост. Кроме того, международное сообщество не осудило неконституционные методы борьбы Ф. Чисекеди против Ж. Кабилы в 2020-2021 гг.

Возможность же осуществления мирного транзита власти после 2028 г. представляется реалистичной только в том случае, если международное сообщество выступит однозначно против конституционной реформы, продвигаемой президентом Ф. Чисекеди. В ином случае весьма велика вероятность, что Чисекеди продлит свои президентские полномочия после принятия новой конституции ДРК.

Библиография

1. Tshombe, L. M. Failed States in the Central Africa Region: A Case of the Democratic Republic of Congo. *Journal of Nation-Building and Policy Studies*. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 29-47. doi: 10.31920/2516-3132/2023/v7n1a2. EDN: ZEASVM.
2. Сидорова, Г. М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. М.: Вост. лит., 2013. 399 с. EDN: UZZYMN.
3. Drnovsky, A., & Mochtak, M. Power-sharing and democratization in Africa: the Kenyan experience. *Journal of International Relations and Development*. 2020. Vol. 23, no. 3. P. 607-635. doi: 10.1057/s41268-018-0158-9.
4. Afoaku, O. G. The Politics of Democratic Transition in Congo (Zaire): Implications of the Kabila "Revolution". *Journal of Conflict Studies*. 1999. Vol. 19, no. 2. P. 72-92. Retrieved from: https://www.erudit.org/en/journals/jcs/1999-v19-n2-jcs_19_2/jcs19_02art03/.
5. Weiss, H. Zaire: Collapsed Society, Surviving State, Future Polity. In J. Blaustein & I. W. Zartman (Eds.). *Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder, CO: L. Rienner Publishers, 1995. P. 157-170.
6. Msambya, J. A. La Conférence Nationale Souveraine et la Longue Transition Politique Inachevée en République Démocratique du Congo (de 1990 à nos Jours). *Studia Universitatis Babes-Bolyai-Studia Europaea*. 2023. Vol. 68, no. 1. P. 39-70. doi: 10.24193/subbeuropaea.2023.1.02.
7. de Villers, G., & Tshonda, J. O. An Intransitive Transition. *Review of African Political Economy*. 2002. Vol. 29, no. 93/94. P. 399-410. doi: 10.1080/03056240208704629. EDN: DWWFVJ.
8. Nzongola-Ntalaja, G. From Zaire to the Democratic Republic of the Congo. *Current African Issues*. 2004. No. 28. P. 1-23. Retrieved from: https://files.ethz.ch/isn/96246/28_From-Zaire-to-the-DRC.pdf.
9. Сидорова, Г. М. Политическая оппозиция в Демократической Республике Конго: акторы, ресурсы и стратегии борьбы. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2019. Т. 13, № 3. С. 36-43.
10. Molutsi, P. Beyond the state: Botswana's democracy and the global perspective. *Journal of African Elections*. 2006. Vol. 5, no. 2. P. 41-51. doi: 10.20940/JAE/2006/v5i2a3.
11. Урнов А.Ю. США и конфликты в Африке // Конфликтология / nota bene. 2018. № 3. С. 15-42. DOI: 10.7256/2454-0617.2018.3.26863 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26863
12. Lohalo, G. O., Lestari, Y., Shongo, T., Mushinda, B. N., Diur, N. K., Badila, J. M., ... & Mutshembe, F. L. US-China Competition in Africa: The Strategic Ambiguity. *Open Journal of Political Science*. 2022. Vol. 12, no. 4. P. 670-684. doi: 10.4236/ojps.2022.124036. EDN: FIBUNY.
13. Сидорова, Г. М. Президентские выборы в ДР Конго: борьба за власть. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 4. С. 36-40. DOI: 10.31857/S032150750004381-1. EDN: ZFEBRB.
14. Englebert, P. Aspirations and realities in Africa: The DRC's electoral sideshow. *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 124-138. doi: 10.1353/jod.2019.0047.
15. Ngumbi Kitete Wa Yuma, C. *Violence, démocratie et émergence des élites politiques en République démocratique du Congo: de Laurent Désiré Kabila à Félix Antoine Tshisekedi Tshilombo*. Kinshasa, RD Congo: L'Harmattan RDC, 2021.
16. Urs, A. B., & Mişcoiu, S. De la continuité à la rupture: une analyse discursive de la présidence de Félix Tshisekedi (RDC). In *Communication de crise et résolution des conflits en Afrique francophone*. Cluj-Napoca: Casa Cărţii de Ştiinţă, 2021. P. 11-28.
17. Wolters, S. Anatomy of a break-up in the Democratic Republic of Congo: The collapse of the FCC-CACH majority and why it matters. *South African Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 29, no. 1. P. 91-106. doi: 10.1080/10220461.2022.2048688. EDN: UPICRS.
18. Ngalamulume Galance, M. Article 220 de la constitution du 18 fevrier 2006. Contribution

au débat autour de son intangibilité et de sa "révisabilité". *KAS African Law Study Library*. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 142-165. doi: 10.5771/2363-6262-2016-1-142.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи исследует факторы, влияющие на динамику и перспективы транзита власти в Демократической Республике Конго, переживающей период политической нестабильности на протяжении многих лет. Поскольку проблема «транзита власти» занимает важное место в рамках современной политической науки и имеет значение для многих стран мира, актуальность выбранной темы представляется очевидной. В то же время, хотя автор достаточно подробно анализирует политические события в ДРК в течение нескольких десятилетий, можно отметить ряд существенных недостатков данной рукописи. Прежде всего, вызывает вопросы методологический подход, обозначенный автором как «теория элит». При этом автор не приводит ни имен представителей данного подхода, ни ссылок на наиболее значимые теоретические работы в рамках этого направления. Если автор имеет в виду классическую теорию элит, то необходимо сослаться на работы таких общепризнанных ученых как В. Парето и Г. Моска (как минимум). Также следует более подробно рассмотреть постулаты этой теории, не ограничиваясь тривиальными утверждениями о том, что «элиты контролируют основные государственные институты» и «выступают против подлинного плюрализма». При этом нужно обосновать – как именно данный подход позволяет добиться поставленной автором цели исследования. Еще одним слабым местом рукописи является формулировка научной новизны, которую автор видит в «комплексном рассмотрении опыта непосредственно мирного транзита власти в ДРК и его применение к прогнозированию возможного характера транзита власти в будущем». Необходимо иметь в виду, что сам по себе подход («комплексный» или любой другой) не может составлять научную новизну исследования, которая должна соотноситься с полученными автором результатами (то есть, новыми знаниями), а не со способом их получения. В текущей версии рукописи нет обоснования того, к каким новым знаниям об особенностях транзита власти в ДРК приходит автор с помощью примененной методологии. Основная часть статьи сводится к изложению уже известных фактов и событий, изложенных в хронологическом порядке (начиная с 1960-х годов). При этом автор не предпринимает попыток показать особенности транзита власти в ДРК на фоне аналогичных процессов в других африканских странах, хотя это могло бы привести к значимым исследовательским результатам. Структура статьи выглядит несбалансированной, поскольку автор уделяет слишком много внимания предыстории современных событий. Кроме того, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть специфику влияния иностранных государств на транзит власти в ДРК отдельно от внутривнутриполитических факторов. Также можно попытаться выявить особенности влияния африканских (Ангола, Ботсвана, и др.) и внерегиональных (США, Франция, Бельгия, Китай) стран на политическое противостояние в ДРК. Это позволило бы сделать авторскую аргументацию более структурированной и логичной. В заключении автор в основном обобщает рассмотренные в основной части статьи факты, не делая акцента на новизне полученных результатов. Автор также не дает четкого прогноза относительно «возможного характера транзита власти в будущем», ограничиваясь фразой о том, что «перспектива мирного транзита власти в ДРК видится

весьма туманной...».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи исследует факторы, влияющие на динамику и перспективы транзита власти в Демократической Республике Конго, переживающей период политической нестабильности на протяжении многих лет. Поскольку проблема «транзита власти» занимает важное место в рамках современной политической науки и имеет значение для многих стран мира, актуальность выбранной темы представляется очевидной. Стремясь выявить факторы, оказывающие влияние на транзит власти в ДРК, автор подробно анализирует политические события в республике на протяжении последних десятилетий. С методологической точки зрения, исследование опирается на классическую теорию элит, согласно которой динамика политического транзита определяется противостоянием «элит» и «контрэлит». При этом автор рассматривает роль таких акторов как США, Ангола, Бельгия, Франция и Африканский союз в качестве зависимых переменных, также оказывающих влияние на процесс передачи власти в ДРК. Данный подход способствует более всеобъемлющему пониманию факторов, воздействующих на политический транзит, поскольку предполагает включение в анализ как внутривнутриполитических, так и структурных переменных. В свою очередь, использование данного подхода позволяет автору прийти к новым исследовательским результатам. В то же время, можно порекомендовать автору добавить в описание методологии уточнение, касающееся использования двух уровней анализа – государственного (ДРК) и системного (роль внешних акторов). При этом сам политический транзит лучше охарактеризовать как «процесс», испытывающий влияние комплекса факторов (внутренних и внешних), а не как «систему, функционирующую при наличии соответствующих условий». Также следует добавить сноски на работы Г. Моски и В. Парето, так как это предусмотрено существующими академическими стандартами. Структура и содержание статьи выглядят достаточно логично и последовательно. Вместе с тем, можно порекомендовать дополнить библиографию ссылками на работы российских авторов – например, Денисова Т., Костелянец С. Демократическая республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: международные отношения. 2023. № 1; Точигин М. О внутривнутриполитической ситуации в Демократической республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНДРК) // Ученые записки института Африки РАН. 2021. № 1. Включение ссылок на данные работы в текст статьи будет способствовать повышению уровня фундированности исследования и усилит апелляцию автора к оппонентам. Представленные в заключении выводы, в целом, представляются логичными и обоснованными. Автору удалось показать комплексное влияние внутривнутриполитических и системных факторов на процесс политического транзита в ДРК, что позволяет рассматривать рецензируемую статью как вносящую определенный вклад в существующие знания и поэтому представляющую интерес для аудитории журнала. Высказанные выше замечания вполне могут быть устранены автором в рабочем порядке.

